

ВЛАДИМИР
БОРОДИН

ГОСБЕЗОПАСНОСТЬ
И КУРОЧКА РЯБА

Аннотация

Миниповесть — о переломном для СССР лете 1953-его года. В её основе — реальные события. Майор чекист Самохин и стажёр Саша расследуют систематический срыв работы трамвая во Врачебном переулке. Вскрываются методы спецслужб, эпизоды их истории, общественно-политический фон, характеры людей того времени.

Вроде бы лёгкое розыскное дело зашло в тупик. На пике восхищения Берией чекисты узнают о его аресте. Самохин ждёт, что будет репрессирован; Саша берёт дело на себя, но оно остаётся нераскрытым. Читателю предоставляется возможность выдвигать свои версии.

Действие резко переходит в май 1994-ого года. Читатель как бы присутствует на встрече Солженицына во Владивостоке, узнаёт о судьбах Самохина, Саши, чекиста Кириллина. Можно видеть настрой спецслужбы на реванш.

Далее — неожиданная разгадка дела «Курочки», признаки культурной экспансии Китая и Японии во Владивостоке.

Владимир Бородин

Госбезопасность и курочка ряба

1

Трамвайный вагон номер 43 вела заурядная женщина тридцати лет, и звали её Анна. Тут читатель засмеётся и бросит книжку. Но напомним, что у Булгакова Аннушка не вела трамвай, а разлила масло. Да и что же мне делать, если решил по возможности сохранить подлинные имена героев этой реальной истории. А случилась она в 1953-ем году в городе Владивостоке.

Итак, Анна Петрова, стронув трамвай от остановки «Горпарк», начала забирать вправо, обходя крыльцо Педагогического института. И словно провожали вагон гипсовые студент и студентка по бокам довольно широкой лестницы. Вожатая привычно глянула влево вдоль Китайской улицы — нет машин. И ещё один гипсовый «советский человек» у ворот ГПКиО, приветственно поднявший руку, как бы указывал трамваю путь в светлое будущее, то есть во Врачебный переулок.

Эти две сотни метров были самым глухим отрезком пути. Справа тянулся откос, заросший в

начале ромашками, а дальше, к краевой больнице — полынью и пустырным паслёном. Слева — узкая пыльная грунтовка, и вдоль неё — заборы частных, барак белёный, склады... Правда, уклон крутоват, а в конце — резкий левый поворот. Но движения — ни вдоль, ни поперёк; можно и подумать о своём. О каком своём? Да о Фёдке, конечно.

Что? Моторы задёргались! Потеря сети? Ну да, даже искры... Анна мгновенно двинула контроллер, крутанула колесо тормоза и взглянула вверх. Провода контактной сети раскачивались вверх-вниз почти на полметра. Анна вмиг опустила бугель и уже без паники открыла двери вагона.

«За восемь лет работы такого не было!» — подумала она. Как только к городу подходил сильный тайфун, да и на полсуток после него, движение трамваев прекращали. А сейчас — ни ветерка, туманный, но тихий июнь; однако сеть — ходуном.

Пассажиры покидали вагон; кто угрюмо молчал, кто вздыхал, а некоторые и ворчали на водителя: «Дрова везёшь, что ли?». Анна взяла тормозные башмаки, вышла тоже, сунула их под колёса. И — заметила у рельса и на шпале неровное пятно засохшей крови.

— Тьфу, чертовщина! — прошептала она. Пятно было облеплено рябыми куриными

пёрышками; да и по гравию — куриный пух. И водитель всё вспомнила: на прошлой неделе как раз тут... Ну, она лихо, но допустимо, вела вагон. Вдруг справа из полыни и паслёна с безумным кудахтаньем прямо под колёса метнулась рябая курица. «Всё — готова!» — сразу почувствовала Анна, инстинктивно рванув тормоз. Благо, стоявших в вагоне не оказалось. А на завалинке барака сидели две старухи, и они уже подняли крик. Из двора выскочили ребята малые, три-четыре замарашки, и с ужасом смотрели на бьющийся у заднего левого колеса окровавленный комок перьев.

Анна быстро отпустила тормоз и стала набирать ход. Даже в Успенке, деревне, где она родилась и росла, все знали: гуси — степенная птица, а куры — заполошная. И если проезжий грузовик задавит гуся при свидетелях, то ещё можно отсудить штраф. А за курицу — бесполезно: кура — дура!

За неделю почти забылась эта история. И вот сегодня... «А я — не дура? — подумала Анна. — Вон уже и за мной вагон стоит, и встречный. Чего это я про курочку-рябу вспоминаю?». И она решительно скомандовала кондуктору:

— Маша, беги в Пединститут: там телефон у вахтёра; звони в путейский... Ну, ты видишь...

И она кивнула на бугель.

Минут через пять вернулась Маша:

— Всё — доложила! Но чего-то Максимыч перепугался шибко...

Максимыч был инженером пути, выдавшим виды, и такой пустяк его не должен бы испугать. Но пока за Анной не собралась пара вагонов да три встречных, провода не успокоились. Вниз по обычно безлюдному Врачебному переулку брела длинная толпа понурых трудящихся. До праздника Октябрьской революции было ещё четыре с лишним месяца. Однако народная демонстрация не вовремя — это, конечно, чрезвычайное происшествие.

2

На следующий день Максимыч пришёл в депо ни свет ни заря и каждую вагоновожатую лично предупредил, что на перегоне «Горпарк — Больница» возможен такой вот сюрприз. А боялся он потому, что ещё тремя днями раньше точно такая же авария случилась у лучшей вагоновожатой Швейко. Тогда во Врачебном переулке собралось полдюжины вагонов. Максимыч примчался на полutorке с аварийной бригадой, когда контактная сеть уже замерла, как ни в чём не бывало. Пришлось активировать «аномально сильный шквал»; а сейчас это оборачивалось сокрытием вредительства на транспорте. Хорошо подумав,

инженер пути начал писать заявление в милицию, предусмотрительно датируя его позавчерашним числом.

А между тем трамваи по Врачебному переулку шли крадучись. Вожатых сжигало напряжение; будь возможно, они бы разворачивались у горпарка и крайбольницы, оставив путь «Вокзал — Рабочая» без электротранспорта. Не знаем, как Швейко, но Петрова вела вагон в тоске, шепча про себя: «Пронеси, господи!» И господь пронесил; она почти спокойно пошла на последний в смену пробег вверх к парку. Провода — раскачивались! Сначала едва-едва, потом всё сильнее. Напротив пятна куриной крови Петрова покорно остановила вагон, открыла двери и сказала в салон:

— Всё — авария! Приехали...

Многие пошли пешком; кое-кто костерил «этот чёртов трамвай». Аня машинально взяла из угла кабины совок уборщицы, вышла на дорогу, зачерпнула пыли погуще и, как во сне, засыпала пятно крови, похожее на тёмно-красную тушь. Швырнула совок на место, села в кресло водителя и заметила, что встречный вагон уже стоит, выпуская пассажиров. Опустила голову на руки, сползая в полусон. Всю ночь был скандал с Фёдором...

— Ну, чего сидишь? Можно ехать уже!.. — привёл её в чувство инженер пути. — Почему сама

не позвонила? Пять вагонов уже собрала.

Да, провода чуть подрагивали, встречные трамваи уже спускались под гору; два вагона стояли позади. Аня подняла бугель, закрыла двери и стронула вагон.

— Пассажиров не бери, веди прямо в депо, — сказал инженер.

Через четверть часа Аня сдала вагон и пошла, как велели, в комнату инженеров. Там уже были начальник депо, инженер пути, кто-то из парткома и милицейский чин.

— Вот что, Петрова, мы тут акт сочинили... Подписывай. Да не бойсь!.. И ещё: ты позавчера отгул просила; так вот — бери за свой счёт день отпуска, а мы тут разберёмся... — начал инженер пути.

— Да не надо уже...

— Бери, бери! Вот тебе и повестка из милиции, — сказал начальник депо и протянул ей серую бумажку.

3

— Понял, товарищ капитан! — сказал дежурный в трубку телефона и, повернувшись к Саше, скомандовал:

— Эй, практикант, дуй к начальнику отдела.

У двери шефа Саша отрепетировал рапорт,

постучал, услышал «Войдите» и...

— Вот тебе, Иван, помощник и ученик; можно сказать, с высшим образованием. Обучишь — твой будет. Ну и, как я обещал, от дела в Славянке я тебя освобождаю, передашь в контрразведку флота. А ты — прими этот довесок с трамваем. Раскрутишь дня за три-четыре, с таким-то помощником!..

Самохину крыть было нечем, да и знал он давно, что в системе не просьбы, а приказы. Он скептически осмотрел стажёра, вздохнул и спросил:

— Значит, в школе милиции учился? Заочник юридического? А к нам попал после объединения чекистов и милиции?

Саше оставалось лишь подтверждать: «Так точно, товарищ майор!» А Самохин продолжал сыпать вопросами, похлопывая по тонкой папке у себя на коленях. «Так это же моё личное дело!» — догадался стажёр. — Вот откуда он всё знает». Между тем начотдела, подполковник, что-то дописывал. Закончив, дал подписать Самохину. Тот вернул «Личное дело», получил от начальника другую папку и уже официально спросил:

— Разрешите идти?

— Иди, Иван. Удачи! И постарайся не тянуть — есть дела поважнее.

Самохин привёл Сашу в свой кабинет и быстро просмотрел розыскное дело. Благо, кроме постановления о возбуждении, заявления

Максими́ча в милицию да акта депо в нём ещё ничего не было.

— Ну, посмотрим, чему тебя научили, — сказал майор. — Вот, ознакомься.

Он протянул папку Саше, и продолжил:

— Мне скоро допрашивать инженера и Петрову эту. А ты дуй в трамвайное депо на Первую Речку и вытряси всё о ремонтах пути, контактной сети, вагонов указанных; а главное — о причастных людях. Прояви смекалку. Вернёшься — жди меня хоть до ночи. Мне ещё мотаться по другим делам.

4

Фёдор Крючков был в депо как петух в курятнике. При острой нехватке слесарей и, особенно, электромонтёров бронь ему дали ещё в июле 41-ого. Да и продлевали до весны 45-ого. Но и с японцами воевать его не взяли — куда необученного? Или по какой другой причине... Но Фёдор не смущался; напротив, козырял тем, что «особо ценный». А ещё — выдавал себя за брата актёра Николая Крюčkова; благоразумно — сводного. Подражал «Крючку», кумиру женщин страны, безбожно; зато: «все бабы — мои!» Однако, не всё коту масленица: как-то Максими́ч попал на встречу со столичными актёрами, приехавшими в

Приморье, и обрадовал Н. Крючкова, что в депо работает его близкий родственник. Любимец народа едко высмеял очередного «брата». Тогда Максимыч краснел-бледнел, но на профсобрании злобно отыгрался на Фёдоре.

Из-за такого пассажа Фёдор потерял почти всех «невест»; но вдруг приклеился к Анне Петровой. «На безрыбье и рак рыба», — судачили в депо. Однако дело было не в этом.

Петрову привела в депо её тётка, старый бухгалтер, устроила её кондуктором. А вскоре продвинула засидевшуюся в девках племянницу на курсы водителей. Аня из Успенки, как звали Петрову товарки, проживала у тётки в её приличном частном домике на краю оврага, что напротив агарового завода. Место не ахти: в общаге завода гнездились уголовники. Да и в овраге с весны до осени ютилась в землянках шпана. И минувшей зимой тётку подкараулили: ограбили, раздели и ткнули финкой в печень. Оказалось, бездетная тётка за месяц до того оформила завещание на Анну. Так Петрова стала «невестой с квартирой», и Фёдор сразу начал к ней захаживать.

Но в этот вечер он пришёл какой-то затаённый и без поллитровки. Последнему обстоятельству Анна бы обрадовалась, но была оглушена допросом в «милиции». Следователь Самохин вроде и не грозил, расспрашивал даже с

участием. И всё же выходило так, что Анну посадят лет на десять, если она не найдёт в депо того, кто трясёт провода и срывает работу трамвая. Петрова божилась, что ничего не знает, что купила бы полдюжины кур вместо той рябой, кабы знала, чем обернётся это дело.

— Припомни, кто у тебя враги в депо; среди них и надо искать, — советовал Самохин.

— Господь с Вами, нет у меня врагов. Никому я зла не делала...

— А у государства рабочих и крестьян враги есть! Ты ведь из крестьян, да и в рабочий класс выросла. Значит, враги государства — и твои враги.

Совсем сбитая с толку, Петрова замолчала.

— Учти, что враги маскируются, гады. Приглядываться надо ко всем. И к Максимычу, и к Фёдору Крючкову, и к Швейко. Ко всем!

И вот сейчас Анна заметила, что Фёдор что-то темнит.

— Ну что — вызывали? — приглушённо спросил он, доедая борщ.

— Вызывали..., — вздохнула Анна. — Да зря всё это: не виноватая я.

— Зря не вызывают, — веско сказал Крючков. — Коготок увяз — всей птичке пропасть.

И он принялся уплетать жареную картошку. Анна так и похолодела, застыла вся. Через пару минут слабо возразила:

— Да ну, подумаешь — курицу рябенькую задавила... А провода — не моё это дело. Тут у милиции вышла ошибочка.

— Органы не ошибаются! — резко рубанул Фёдор.

Покончив с картошкой, он взял кружку с чаем, добавил в неё сахару.

— Что же мне делать? — в отчаянии прошептала Петрова.

— Ты... вот что: получишь лет десять; ну, дай бог, пять-семь. С конфискацией. Так ты... напиши быстро дарение хаты. На меня. Отсидишь — так будет, куда вернуться. Иначе заберут хату-то...

— А успеем до суда расписаться? — засомневалась Анна.

— Как раз этого и не надо: могут меня отселить, а дом забрать, — пояснил Фёдор, прихлёбывая чай. — Я и так рискую, принимая дарственную от тебя, подследственной.

Петрова мучительно пыталась разложить по полочкам сумбур в голове. Но тут во дворе залился лаем пёс. Крючков поперхнулся чаем, метнулся в угол. Заметив на этажерке учебники по трамвайному делу, схватил два и приказал Анне:

— Скажешь, что вот — за книжками зашёл.

Петрова обречённо вышла на крыльцо. Из-за калитки выглядывала её кондуктор, Маша Симоненко:

— Анюта! Максимыч прислал сказать тебе, чтобы завтра же выходила на работу, — прокричала она, заглушая собачий лай.

— Так ведь меня с приказом ознакомили: отгулы мне, — удивилась Анна.

— Выходи. Приказ отменяют! — сказала кондуктор.

И уже когда, успокоив пса, к ней подошла Анна, Маша прошептала:

— Так милиция приказала... Выходи завтра; мне тоже велено.

И добавила торопливо:

— Ой, побежала я — дома дети одни!

А Петрова поплелась в дом. В голове гудело; но она поймала себя на злой догадке: а вдруг Фёдор подстроил ей вредительство? Чтобы завладеть домом.

5

Накануне вечером, когда Саша вошёл в Управление, дежурный в вестибюле вручил ему записку Самохина: «Меня не жди. До завтра».

Наутро стажёр пришёл пораньше; но майор уже был в кабинете. Он спрятал в сейф какое-то дело, взял оттуда знакомую Саше папку и сказал:

— Ну, докладывай!

— Во время войны участок пути по

врачебному переулку не ремонтировался. Но подтягивали контактную сеть после тайфуна. Ещё раз подтянули в мае сорок седьмого. Записано «после снегопада». Я не поверил, но старые работники подтвердили.

— Да, был снег, и большой; я помню, 10-11-ого мая. Я сам удивился, — кивнул Иван.

— В обе подтяжки в бригаде был Фёдор Крючков. В последней — даже бригадиром: прежний уволился после войны и уехал за Урал в сорок шестом.

За ремонт пути взялись лишь в пятидесятом, силами военнопленных японцев: замена шпал, подсыпка гравия. Конвой — четыре бойца с винтовками на полсотни человек. Надсмотрщики от депо — поочерёдно Саенко и Крючков. Инженер пути тоже приезжал нередко.

Между прочим, в трампарке знают, что пять дней назад такая же авария была с вагоном номер 21. Мне даже говорили, что дольше стояли. А вот в диспетчерском записано, что шквал ветра. Метеостанция на Орлином гнезде шквал не подтвердила, да и ближайшая площадка, метеотехникума, тоже. Выходит, этот случай инженер пути пытался скрыть.

Вагон 21-ый — лучший в депо, вручён ударнице труда Швейко; и сменщицу она себе подобрала стахановку. А вот 43-ий — уже после

двух капремонтов. Но по бумагам исправен. Вожатая, Петрова Анна, взысканий не имеет, но и поощрения — только к Восьмому марта. Да и сменщица такая же. А вот кондуктор 43-его, Мария Симоненко, сказала, что Петрова уже года три сожительствует с Крючковым Фёдором. Но живут плохо, он часто пьёт, уходит к другим бабам. Да и койка в общежитии у него есть. Ему 27 лет, Петровой — 30. А ещё эта Маша сказала, что Петрова обмолвилась, будто ей, возможно, мстит хозяин рябой курицы, которую она переехала там неделю назад. Бред какой-то: за курицу — трамваи останавливать!

— Ну, Петрова вчера у меня на допросе то же самое высказала. Тёмная баба, да и затюкал её этот Фёдор. Но проверить это тебе придётся. Вот прочти протоколы вчерашних допросов; поищи, где в них нестыковки с тем, что ты сам накопал. Да и сходи к хозяйке покойной курицы. Зовут её Клавдией. Муж её с марта под Ленинградом, в Рамбове, на курсах. Скажи, что из милиции: мол, соседка её, Чеканова, заявила.

— Кто такая эта Чеканова? Ещё откажется...

— Не бойся, не откажется. Я её вчера вечером предупредил. А хозяйка курочки рябой живёт по Врачебному 6, квартира 8, направо по коридору...